

М.И. Воробьева-Десятовская

Российские ученые на тропях Центральной Азии (открытие забытых письменных культур)¹

Статья посвящена экспедициям российских ученых в Центральную Азию (1890–1910-х годов), истории находок буддийских рукописей в оазисах Великого шелкового Пути, открытию Хара-Хото. Анализируется геополитическая ситуация 1860–1880-х годов, стимулировавшая российские научные исследования Восточного Туркестана, подробно рассматриваются экспедиции М.М. Березовского, С.Ф. Ольденбурга, П.К. Козлова и характеризуются наиболее интересные буддийские рукописи, обнаруженные отечественными учеными в этом регионе.

Ключевые слова: Центральная Азия, история исследований, северные оазисы Восточного Туркестана, Дуньхуан, Хара-Хото.

Прологом к разрыванию отечественных исследований культурного пространства Центральной Азии послужили геополитические инициативы царской администрации 1860–1880-х годов на восточных рубежах империи. Поражение в Крымской войне 1854–1856 гг., в которой на стороне Турции выступали Великобритания и Франция, заставило российских стратегов сместить акцент военного соперничества с Западом со средиземноморского направления в Среднюю Азию с целью соединения Оренбургской и Сибирской оборонительных линий и образования целостного периметра безопасности на азиатской оконечности империи. Парижский мирный договор 1856 г. положил начало улучшению отношений России с Францией, и это позволило царской администрации полностью сосредоточиться на укреплении геополитического статуса империи как евразийской державы.

Поддержка со стороны России претензий Ирана на Гератский оазис косвенно спровоцировала англо-иранскую (англо-афганскую) войну 1856–1857 гг., итоги которой оказались контрпродуктивными для Британской короны. В 1857 г. в англо-индийских войсках началось восстание сипаев (вошедшее в историю как Великое народное восстание), приведшее к упразднению Ост-Индской компании и введению прямого правления Британской короны в Индии. Российско-британские отношения достигли высокой степени напряженности. При участии Александра II на уровне Военного министерства и Министерства иностранных дел рассматривались угрозы вооруженного конфликта с Великобританией в Среднеазиатском регионе и проекты отправки русской военной экспедиции в Индию. Однако в результате аналитической работы, осуществленной русскими военными стратегами — А.А. Неверовским, Е.И. Чириковым, главой Военного министерства Н.О. Сухозанетом и министром иностранных дел А.М. Горчаковым, эти авантюрные проекты были отвергнуты как заведомо проигрышные для России. Вместо них царская администрация санкционировала проведение военных кампаний в Среднеазиатском регионе, в результате чего в состав Рос-

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Буддийское письменное наследие в трудах Санкт-Петербургской буддологической школы и коллекциях Азиатского музея», проект № 8-01-95369а/П.

сийской империи были включены территории Бухарского, Хивинского и Кокандского ханств. Продвижение границ империи в Среднюю Азию позволило сместить поле геополитического противостояния России и Великобритании в Центральноазиатский регион.

Геополитическая конкуренция двух империй естественным образом экстраполировалась уже в конце 1850-х годов в научную сферу, так как Центральная Азия оставалась в то время крайне слабо исследованной. Географическое положение России, стремительно превращавшейся во влиятельную евразийскую державу, давало ей неоспоримые преимущества в изучении этого громадного региона. Прежде среди западноевропейских государств только Великобритания располагала плацдармом для проникновения в Центральную Азию, используя в этих целях колониальную Индию. И только после присоединения Бухары, Хивы и Коканда Россия получила необходимый для научных исследований геополитический перевес.

Российская наука в институциональном отношении была готова к развертыванию центральноазиатских экспедиций. В 1845 г. в Санкт-Петербурге было основано Императорское Русское географическое общество (РГО). Эта организация ориентировалась на комплексное изучение культурных пространств: на исследование географии, включая тотальное картографирование, фиксацию путей сообщения — сухопутных и водных, описание гидрологических и биологических ресурсов, этнографические и лингвистические изыскания, выявление и учет древних археологических памятников. Во всех этих аспектах Центральная Азия представляла собой неизведанный регион земного шара. А поэтому экспедиционные исследования Восточного Туркестана, Тибета, Монголии, Северо-Западного Китая стали приоритетным направлением деятельности РГО.

Пилотным проектом в развертывании данного направления явилась Кашгарская экспедиция 1858–1859 гг. российского ученого Ч.Ч. Валиханова, казаха по происхождению. В Кашгаре он занимался преимущественно археологическими обследованиями и поиском древних рукописей. Валиханов был первым, кто обратил внимание на реликты буддийской культуры в Восточном Туркестане — руины архитектурных памятников и пещерных монастырей.

Последующие русские экспедиции в Центральную Азию оказались столь многочисленны, что в рамках данной работы невозможно хотя бы упомянуть каждую из них. Охарактеризуем лишь наиболее значительные по своим итогам изыскания отечественных экспедиционеров, прославивших российскую науку в международном масштабе и способствовавших развитию российской буддологии. Пионером в изучении географии Центральной Азии явился великий русский путешественник Н.М. Пржевальский (1839–1888), совершивший четыре экспедиции в регион. Ему принадлежит главная заслуга в картографическом обеспечении комплексных исследований центральноазиатского культурного пространства.

Необходимо упомянуть и экспедицию ботаника Ф.Э. Регеля, который в 1878–1879 гг. обследовал биологические ресурсы Кульджи и Турфана. «Путешествие по Восточному Туркестану, Кунь-Луню, северной окраине Тибетского нагорья и Чжунгарии» — так назвал свою книгу другой российский путешественник — М.И. Певцов (1843–1902), который в 1889–1890 гг. фактически продолжил пятую, незавершенную экспедицию Пржевальского. В ней приняли участие сподвижники и помощники Пржевальского — В.И. Роборовский и П.К. Козлов, впоследствии выступившие руководителями других чрезвычайно результативных экспедиционных проектов РГО. Параллельно с экспедицией Певцова в 1889 г. обследовал северные районы Восточного Туркестана Г.Е. Грум-Гржимайло (1860–1936).

Об экспедиции В.И. Роборовского (1856–1910), проведенной им самостоятельно после путешествий с Пржевальским и Певцовым, необходимо сказать особо. Она одной из первых посетила важнейший буддийский памятник Центральной Азии — монастырский пещерный комплекс Дуньхуан, и ее участникам удалось добыть четыре ценные рукописи (согдийские и старобуйгурские).

Едва ли не самой интересной и значительной по своим историко-культурным результатам стала экспедиция П.К. Козлова в Хара-Хото, о которой мы подробно расскажем ниже. Она в археологическом аспекте открыла миру исчезнувшую цивилизацию тангутов — народа, создавшего некогда на северо-западе Китая государство Си Ся, которое было уничтожено в XIII в. полчищами Чингисхана. Находки в Хара-Хото вернули исторической памяти человечества прочно позабытую яркую страницу в истории цивилизаций.

Большую роль в изучении Центральной Азии сыграли русские дипломаты и военные, сочетавшие в своей деятельности решение геостратегических и научных задач. Они хорошо понимали значение этого обширного региона для исторического будущего России и посвятили свои жизни установлению и развитию многоаспектных связей нашей страны с восточными соседями.

Самую многочисленную и представительную для изучения культуры Восточного Туркестана коллекцию письменного наследия собрал генерал Н.Ф. Петровский. В период своей службы в Кашгаре, где в 1882–1902 гг. он занимал пост русского консула, Н.Ф. Петровский особое внимание уделил исследованию древностей Хотана, оазиса на южной ветви Великого шелкового пути, и получил известность как эксперт. Путешественники и ученые, впервые оказавшиеся в регионе, обращались к нему за советами и консультациями. Н.Ф. Петровский обратил внимание на то, что ископаемые реликты буддийской культуры чаще всего обнаруживаются на территориях мазаров — сакральных исламских локусов. Он составил подробную рукописную карту Восточного Туркестана с указанием известных ему древних буддийских памятников.

Большую коллекцию древностей, в том числе старобуйгурских, маньчжурских, согдийских рукописей, собрал Н.Н. Кротков, который на протяжении долгих лет служил в Восточном Туркестане — сначала в должности русского консула в Урумчи, а затем — секретаря консульств в Гиринае, Цицикаре и Кульдже. Согласно «Протоколам историко-филологического отделения Академии наук», рукописные раритеты начали поступать от Н.Н. Кроткова в Азиатский музей с 1898 г. О некоторых из этих поступлений сохранились сведения и в «Протоколах Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии» за 1906–1912 гг. Н.Н. Кротков поддерживал постоянную научную переписку с В.В. Радловым и С.Ф. Ольденбургом.

В 1908 г. в Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии была прислана первая коллекция, в состав которой входили 29 фрагментов согдийских рукописей, содержавших буддийские и манихейские тексты. Вторая коллекция, подаренная Кротковым в 1909 г. Академии наук, насчитывала 82 фрагмента, в основном уйгурских и китайских. 2 октября 1910 г. Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии избрал Н.Н. Кроткова своим почетным членом-корреспондентом.

Весьма обильные рукописные находки были обнаружены в ходе центральноазиатских экспедиций М.М. Березовского в 1905–1908 гг. Об этом исследователе необходимо сказать более подробно. По образованию Михаил Михайлович Березовский (1848–1912) являлся ученым-естественником — он окончил Санкт-Петербургский университет как зоолог, но в процессе полевого изучения Центральной Азии заинтересовался культурным наследием народов, населявших этот регион в отдаленном

прошлом. С 1876 г. он неоднократно принимал участие в экспедициях Г.Н. Потанина (1835–1920) в Монголию, Северо-Западный Китай, в Восточный Туркестан и Северо-Западный Тибет. М.М. Березовский участвовал в 14 экспедициях, сначала в качестве зоолога и ботаника, а с 1902 по 1908 г. руководил экспедициями в Китай и Центральную Азию как географ и этнограф.

Ученый посетил Субаши, Долдур-Охур, Таджит, Кумтуру, Кучу, Кызыл, Кириш. Экспедиция М.М. Березовского была направлена Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии с целью проведения археологической разведки в Куче в 1905 г. В окрестностях Кучи изыскания начались в сентябре 1906 г. По времени путешествия М.М. Березовского совпало с экспедицией французского исследователя П. Пеллио. В своем отчете П. Пеллио сообщал, что им получено письмо от русского археолога Березовского, и высказывал предположение, что раскопки последнего в Куче продолжатся в течение зимы. По всей вероятности, личная встреча исследователей не состоялась, однако М.М. Березовский подробно изложил свои впечатления о плачевном состоянии буддийских памятников после изыскательской работы П. Пеллио в письме С.Ф. Ольденбургу².

Главной целью Березовского было составление точной, достаточно крупномасштабной карты древних городищ и буддийских памятников. В дневниках за 1907–1908 гг. он указал, что в окрестностях Кучи им были обнаружены реликты 20 архаических памятников, в том числе развалины храмов и жилых построек. В руинах сохранились фрагменты фресок, но многие настенные изображения были спешно сняты и вывезены в Европу предшествующими экспедициями. М.М. Березовский совместно со своим родственником, художником и архитектором Н.М. Березовским, собрал обломки росписей и сделал их акварельные копии. Подготовленный ими альбом рисунков хранится в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН и два альбома — в Государственном Эрмитаже.

Много ценных находок было обретоено М.М. Березовским в Кызыле — в частности, алебастровые формы для изготовления отдельных деталей буддийской культовой скульптуры и орнаментов и три большие формы для отливки голов статуй. Во время посещения Кумтуры исследователь осмотрел пещерные храмы, в которых прежде находились деревянные статуи. На обломках древесины он обнаружил следы позолоты. Было сделано много калек, имевших в начале XX в. большую научную ценность. Теперь же они интересны с точки зрения истории науки и как память о деятельности первых отечественных исследователей буддийских пещерных храмов. Однако до сих пор не утратили своей познавательной значимости экспедиционные фотоматериалы, поскольку на снимках запечатлен вид пещер 100 лет тому назад. На некоторых из них представлены полностью обрушившиеся фасады, обвалившиеся стены, другие сохранили надписи на тюркском, тохарском, китайском языках.

Экспедиция завершила работу в декабре 1907 г. О ее результатах доложил С.Ф. Ольденбург 9 февраля 1908 г. на заседании Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Березовский сделал доклад о своей экспедиции на заседании Академии наук 6 марта 1909 г.

В архиве С.Ф. Ольденбурга имеется его неопубликованный некролог М.М. Березовскому как неутомимому труженику, отдавшему большую часть жизни экспедиционной работе³. Коллекция тохарских рукописей, хранящаяся ныне в фондах Института восточных рукописей РАН, создана исключительно благодаря его трудам. Увлеченный биологией, он обогатил также коллекции естественно-научных музеев Санкт-

² СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 2, ед. хр. 725. Л. 1.

³ СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3, ед. хр. 280.

Петербурга. Будучи учеником Г.Н. Потанина, М.М. Березовский шел путем, проложенным первооткрывателями Н.М. Пржевальским и В.И. Роборовским. Но на этом пути он не ограничился ролью ученого-естественника и бережно собрал в сокровищницу всемирного культурного наследия драгоценные свидетельства духовной и художественной жизни буддийской цивилизации Центральной Азии I тыс. н.э.

Русские ученые вели целенаправленные исследования в Восточном Туркестане с 1898 по 1915 г., хотя отдаленность и труднодоступность территории, тяжелые климатические условия требовали большого мужества и самоотверженности. Важно отметить, что до экспедиций С.Ф. Ольденбурга среди исследователей не было профессиональных археологов, и изысканиями в области культурного наследия руководили искусствоведы, филологи, историки, биологи. Это затрудняло проведение полномасштабного археологического изучения памятников. Однако те реликты письменности и художественной культуры, которые были найдены и доставлены в Россию отечественными учеными, военными и дипломатами, существенно обогатили наши рукописные и художественные коллекции, выдвинули их в один ряд с ценнейшими мировыми собраниями.

Одним из наиболее значимых открытий конца XIX — начала XX в. безусловно является обнаружение на территории Восточного Туркестана памятников индоевропейской цивилизации I тыс. н.э. Этим открытием наука обязана в первую очередь Н.Ф. Петровскому, так как именно он подал в Российскую Императорскую Академию наук докладную записку о необходимости обследовать восточнотуркестанские древности. Его имя навсегда осталось рядом с именем академика С.Ф. Ольденбурга, неперменного секретаря Академии наук, востоковеда-индианиста, археолога, исследователя буддийской культуры. Ольденбург сразу же оценил первостепенную научную значимость докладной записки Петровского и наметил контуры международного проекта изучения древних памятников Восточного Туркестана.

Позднее российский академик лично обследовал важнейшие восточнотуркестанские памятники и Дуньхуан. Но прежде чем ему удалось найти необходимое финансирование для собственных путешествий, в северные оазисы Восточного Туркестана была по составленному им плану направлена в 1898 г. экспедиция под руководством Д.А. Клеменца (1848–1914). В результате интенсивной работы она доставила в Санкт-Петербург большую коллекцию памятников искусства и предметов материальной культуры, которые ныне хранятся в Музее антропологии и этнографии (Кунсткамера) им. Петра Великого.

Привез Клеменц и несколько древних рукописей — уйгурских и санскритских, которые ныне составляют часть центральноазиатской коллекции манускриптов Института восточных рукописей РАН. По существу, именно экспедиция Клеменца положила начало специализированным археологическим исследованиям российских ученых в Восточном Туркестане, однако ее руководитель скромно называл это пионерское предприятие «рекогносцировкой».

На основе данных, полученных Клеменцем, в январе 1900 г. трое русских ученых — Н.И. Веселовский, С.Ф. Ольденбург и он сам подали инициативную записку в Восточное Отделение Русского археологического общества. В ней было представлено обоснование научной актуальности археологических исследований в Восточном Туркестане. К тому времени российская наука располагала топографическими картами этой территории, составленными Н.Ф. Петровским, где были обозначены не только места, заслуживающие серьезного археологического изучения, но также ведущие к ним дороги и расстояния в днях пути. Эти бесценные документы хранятся в фондах Института восточных рукописей РАН и лишь недавно были опубликованы.

Авторы инициативной записки предлагали проект организации двух экспедиций, ориентированных на проведение археологических изысканий, изучение памятников художественной культуры, поиск и приобретение у местного населения рукописных раритетов, древних монет, т.е. на сбор материалов, способных дать представление о доисламской культуре оазисов Восточного Туркестана.

Записка, подготовленная Веселовским, Ольденбургом и Клеменцем, была направлена после обсуждения на заседании Восточного Отделения Русского археологического общества в Министерство финансов. Однако полученный из данного ведомства ответ оказался отрицательным: «Г-н Министр финансов не нашел возможным ассигновать ныне суммы, просимые Императорским Русским Археологическим Обществом на Турфанскую экспедицию» (ЗВОРАО. 1900. Т. 1. С. 36). Оставалось надеяться только на подключение международного научного сообщества к решению данного вопроса.

В 1899 г. на Международном конгрессе востоковедов в Риме В.В. Радлов и С.Ф. Ольденбург выступили с докладом о новых находках российских ученых в Восточном Туркестане. Их выступление было воспринято как сенсация, и в западноевропейских странах вскоре были созданы специальные комитеты для организации археологических обследований Центральноазиатского региона. По решению Конгресса был учрежден «Международный союз для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях». Ядром Союза должен был стать Русский комитет в Санкт-Петербурге. По прошествии трех лет на XIII съезде востоковедов в Гамбурге был рассмотрен проект устава Союза, составленный российскими учеными. Съезд утвердил устав и поручил В.В. Радлову и С.Ф. Ольденбургу образовать Русский комитет.

В уставе Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии были отчетливо сформулированы цели его предполагаемой деятельности:

— всячески содействовать изучению сохранившихся памятников, как вещественных, так и духовных, в соответствующих странах;

— путем постоянных сношений с местными деятелями и учреждениями выяснить, какие памятники подлежат скорейшему изучению и какие народности должны быть в ближайшем будущем исследованы в лингвистическом и этнографическом отношениях и, таким образом, спасены для науки;

— наметить планы совместного исследования и обсуждения общих научных вопросов, касающихся всей совокупности народов соответствующих стран.

Комитет наделялся правом организовывать экспедиции и издавать бюллетень на французском языке. В первый состав бюро Комитета вошли В.В. Радлов, В.А. Жуковский, В.В. Бартольд и Л.Я. Штернберг.

Организованные Русским комитетом две экспедиции начали действовать в 1905 г.: в Кучу был направлен М.М. Березовский, в Турфан — А.И. Кохановский. Обе экспедиции пробыли в регионе два года. А в 1909 г. П.К. Козлов снарядил Монголо-сычуаньскую экспедицию.

Академия наук не располагала собственными средствами для финансирования археологических изысканий, и именно поэтому С.Ф. Ольденбург смог выехать в Восточный Туркестан только в 1909–1910 гг. К тому времени в регионе уже по нескольку раз успели побывать экспедиции западноевропейских и японских исследователей. Ими были вывезены из Восточного Туркестана многочисленные культурные ценности: рукописи, скульптура и даже целые фрески, варварски снятые со стен пещерных храмов и монастырей. Никакие заключенные ранее международные научно-организационные договоренности не соблюдались, и академика Ольденбурга, выступившего

инициатором археологических изысканий в регионе, зарубежные коллеги фактически обманули, не оставив ему ни одного нетронутого памятника (Щербатской, 1935, с. 26).

Но тем не менее российский академик не утратил лидирующей позиции в изучении культурного наследия Центральной Азии. Еще до своей первой экспедиции С.Ф. Ольденбург провел огромную работу по описанию, дешифровке и введению в научный оборот рукописей, привезенных из Восточного Туркестана прежними русскими путешественниками и присланных Н.Ф. Петровским. Этот титанический труд послужил закреплению отечественного научного приоритета, поскольку рукописи, добытые, но не исследованные на тот момент учеными Великобритании, Франции и Германии, были идентичны российским находкам в отношении видов письма и языковой принадлежности.

Благодаря исследовательской активности С.Ф. Ольденбурга международное научное сообщество консолидировалось для совместного решения задач по расшифровке письменностей и определению языков, функционировавших на территории Восточного Туркестана в I тыс. н.э. Лучшие научные силы Европы и России — индологи, иранисты, тибетологи, китаисты, тюркологи — объединились в этой работе. С российской стороны кроме С.Ф. Ольденбурга участвовали в ней Н.Д. Миронов и А. фон Сталь-Гольштейн, а из зарубежных коллег — П. Пеллио, Э. Шаванн, Л. де ла Валле Пуссен, М. Сенар, Х. Людерс, Ф.В. Томас, Р. Хёрнле, С. Леви, Х. Масперо, С. Конов, А.Х. Франке, Х.В. Бэйли, В.Б. Хеннинг и др.

С.Ф. Ольденбургу принадлежит первая в мире публикация одного листа рукописи, присланной в конце 1880-х годов из Кашгара Н.Ф. Петровским. Она появилась в «Записках Восточного отделения Русского археологического общества» в 1892 г. (Ольденбург, 1892, с. 81–82). Письмо памятника определено С.Ф. Ольденбургом как наклонное брахми. Прежде наука не знала этого варианта брахми, отличного от индийского, который был зафиксирован в малообъемных фрагментах рукописей, доставленных из Южной Азии. Ольденбург доказал, что индийское брахми, перекочевав в Центральную Азию, претерпело там адаптацию для передачи фонетики местных языков. В результате этой лингвистической аккультурации возникли две его разновидности: вертикальное центральноазиатское брахми, характерное для найденных в Кашгаре и Хотане рукописей, и наклонное центральноазиатское брахми, распространенное, по всей вероятности, в северных оазисах — Турфане и Куче. С.Ф. Ольденбургу удалось прочесть рукопись и установить, что она написана не на санскрите, а на неизвестном науке языке.

В 1892–1893 гг. от Н.Ф. Петровского были получены свыше 100 листов и фрагментов рукописей, происходивших из Кучи, Курля, Аксу. Среди них — бумажные листы и рукописи на бересте и коже. С.Ф. Ольденбург инициировал проведение химического анализа бумаги, в результате чего был установлен ее состав. Бумага, констатировал ученый, производилась в Восточном Туркестане преимущественно из древесины китайской шелковицы, а также других местных кустарниковых пород. Наиболее характерной формой рукописей выступала индийская — потхи.

На протяжении 1893–1903 гг. С.Ф. Ольденбург непрерывно готовил к печати и публиковал в «Записках Восточного отделения Русского археологического общества» полученные от Петровского рукописи. Большая часть публикаций представляла собой транслитерированный латиницей текст и факсимиле оригинала. Но лишь немногие из тех памятников, которые были представлены в этих рукописях, ему удалось отождествить.

Начали публиковать свои находки и западноевропейские ученые, располагавшие значительно большим количеством центральноазиатских рукописей. При сопостав-

лении их публикаций с российскими удалось установить тот факт, что нередко разрозненные листы от одних и тех же рукописей, а иногда из одних и тех же произведений обнаруживались в нашей стране и в странах Европы. Шла оживленная дискуссия относительно языков, представленных в рукописях. Было выявлено, что наряду с текстами на санскрите в Восточном Туркестане имели хождение рукописи на трех неизвестных ранее индоевропейских языках. Один из них, запечатленный в рукописях, найденных преимущественно в Хотане, был определен как восточноиранский и назван хотано-сакским. Предположительно этим языком пользовались иранские саки, утвердившиеся в Хотане с ранних времен (кочевые племена, говорившие на иранских языках, приходили в Центральную Азию начиная с первой половины II тыс. до н.э.). Два других, возможно, функционировали в Турфане, Карашаре и Куче. Первая рукопись на одном из этих языков и была опубликована С.Ф. Ольденбургом в 1892 г. Годом позже Р. Хёрнле издал аналогичную рукопись из коллекции А. Вебера (Hoernle, 1893, p. 1). А в 1900 г. Э. Леманн переиздал эти фрагменты и еще одну рукопись из коллекции Н.Ф. Петровского (Leumann, 1900, p. 1–28).

Язык данных памятников получил название «тохарский» и обозначался индексом «А», указывавшим на Турфан и Карашар как ареалы распространения. Язык рукописей из Кучи был назван тохарским Б, или «кучинским». Оба они обнаруживали взаимную близость и, возможно, представляли различные диалекты одного и того же языка. Носители этих языков, тохары, подобно иранским сакам, оказались на территории Восточного Туркестана около II тыс. до н.э., но продвигались предположительно двумя потоками. До ранних веков н.э. и тохары и саки, вероятно, не имели собственной письменности. Индийское письмо брахми было усвоено ими в результате принятия буддизма и широкого проникновения индийской культуры в Восточный Туркестан и приспособлено для письменной фиксации собственных языков. Однако нельзя терять из вида и тот факт, что прямые контакты с индийскими племенами осуществлялись населением Восточного Туркестана на всем протяжении истории этого региона.

С.Ф. Ольденбург, планируя свою вторую экспедицию, которая была осуществлена в 1914–1915 гг., учел те обстоятельства, с которыми столкнулся в первом восточно-туркестанском путешествии, и к ней готовился уже по-другому. Он наметил заранее объект будущего обследования, хорошо известный к тому времени по литературным источникам и результатам полевых изысканий западноевропейских коллег: это были пещеры Могао, именовавшиеся в научной печати «Пещерами тысячи будд». Это наименование происходило от китайского Цяньфодун; С.Ф. Ольденбург в своих дневниках писал *Чан-фо-дун*. Пещеры территориально относились к китайской провинции Ганьсу, уезд Дуньхуан. Цели экспедиции, ориентированной на комплексное обследование и описание этого объекта, С.Ф. Ольденбург сформулировал в докладной записке, которая ныне хранится в Архиве Российской академии наук: «Найти твердую основу для хронологического определения памятников буддийского искусства Китая и Китайского Туркестана и собрать достаточный материал для характеристики различных стилей этого искусства»⁴.

К тому времени российский академик определил новый — культуросохраняющий — подход к археологическим изысканиям, сделавшийся в дальнейшем отличительным признаком отечественной школы полевой археологии. Ольденбург выдвинул принцип сохранения памятника в его культурном ареале. Этот принцип исключал любые разрушения на обследуемом объекте с целью последующего вывоза куль-

турных ценностей. В отличие от западноевропейских и в особенности германских археологов Ольденбург не считал возможным уничтожать целостность памятника — выламывать фрагменты архитектурных сооружений, снимать фрески со стен, изымать пластическое убранство интерьеров и круглую скульптуру. Такому варварскому вандализму зарубежных коллег он противопоставлял принцип тотальной фиксации — фотографирования, зарисовки, калькирования и максимально подробного словесного описания обследуемого объекта. Ольденбург допускал изъятие и вывоз только тех фрагментов памятника, которые явились результатом естественного разрушения или деструкции, произведенной предшествующими экспедициями, и могут быть уничтожены либо расхищены кладоискателями из местного населения и заезжими авантюристами, охотящимися за культурными ценностями.

В состав экспедиции были включены соответствующие специалисты: первоклассный фотограф и художник С.М. Дудин, художник В.С. Бикенберг, топограф Н.А. Смирнов, этнограф Б.Ф. Ромберг (Ольденбург, 1930, с. 341–358). О второй экспедиции Ольденбурга, как и о первой, ныне опубликовано очень немного работ. Он сам ограничился всего лишь тремя небольшими статьями (Ольденбург, 1921; 1922; 1925). С.М. Дудин издал две статьи, касающиеся сугубо частных вопросов. Экспедиционные дневники и описания пещер благодаря публикации в КНР стали достоянием широкой научной общественности.

О маршруте экспедиции и конкретных задачах, поставленных перед участниками, П.Е. Скачков сообщал следующее: «Предполагалось составить общий точный план пещер, планы пещер по этажам, разрезы, фасады, произвести фотографирование объектов, снять копии с наиболее важных вещей и по заранее определенной программе произвести возможно более детальное описание пещер. Маршрут экспедиции был: Чугучак–Гучэн–Урумчи–Аньси–Хами–Цяньфодун (т.е. „Пещеры тысячи будд“ в Дуньхуане) и обратно, минуя Дуньхуан, через Хунлююань на Хами» (Скачков, 1993, с. 315).

Ныне в коллекции Института восточных рукописей РАН насчитывается 386 целых свитков и около 19 тыс. фрагментов рукописей, доставленных второй экспедицией Ольденбурга. Изучение этих находок началось в 1920-х годах, однако систематическая работа развернулась гораздо позже — лишь с 1957 г. Группа под руководством буддолога и китаеведа Л.Н. Меньшикова подготовила к публикации два выпуска издания «Описание рукописей из Дуньхуана»⁵. В составленном Л.И. Чугуевским и Л.Н. Меньшиковым обзоре по исследованию дуньхуанских материалов насчитывается около 130 названий (Меньшиков, 1993).

Экспедиция продолжалась вплоть до января 1915 г. Ее деятельность была вынужденно свернута, поскольку начавшаяся в августе 1914 г. Первая мировая война приняла затяжной характер. События военных лет и воследовавшие за ними Февральская и Октябрьская революции 1917 г. отодвинули в далекое будущее публикацию экспедиционных материалов.

Не менее результативной относительно рукописных находок оказалась экспедиция М.М. Березовского в Кучу. Экспедиционерам удалось собрать значительное количество письменных памятников на санскрите, уйгурском, китайском языках и тохарском Б, а также официальных тохарских документов на деревянных дощечках. Коллекция Березовского ныне хранится в фондах Института восточных рукописей РАН, а в Архиве востоковедов находится альбом зарисовок, выполненных Н.М. Березовским, который тщательно копировал стенные и потолочные росписи, найденные в

⁵ Описание китайских рукописей Дуньхуанского фонда Института народов Азии. [Коллектив авторов] под ред. Л.Н. Меньшикова. Вып. 1. М., 1963; Вып. 2. М., 1967.

руинах буддийских храмов Кучи. На акварельных копиях отчетливо видны, в частности, высокохудожественные изображения животных, украшавшие потолок в одном из храмов. Оригиналы — роспись на кусках штукатурки — документированы. Эти фрагменты живописного убранства, к сожалению, безвозвратно утрачены, так как к моменту их обнаружения Березовским они представляли собой разрозненные сколы, которые невозможно было вывезти.

Среди русских экспедиций в Восточный Туркестан были и этнолингвистические. К ним относятся две, осуществленные будущим ученым-тюркологом, тогда еще молодым аспирантом С.Е. Маловым, направленным для сбора материалов по живым тюркским языкам и диалектам, сохранившимся в Восточном Туркестане. Обеим его экспедициям — в 1909–1911 и в 1913–1915 гг. — сопутствовала редкостная удача. Древние уйгурские рукописи, доставленные Маловым, составляют самую ценную часть рукописной коллекции Института восточных рукописей РАН. Привез он также и китайские, хотано-сакские, санскритские рукописи. Особо следует упомянуть уникальную коллекцию тибетских документов середины XIII — середины IX в. на дереве из района озера Лобнор. Среди известных науке письменных памятников на тибетском языке эти документы причисляются к наиболее ранним. Многие из них остаются до сих пор не введенными в научный оборот.

Значительный вклад в изучение культурного пространства Центральной Азии внесли три экспедиции П.К. Козлова, охватившего в своих комплексных изысканиях Монголию, Тибет и Северо-Западный Китай. Наряду с заполнением белых пятен на географических картах и описанием флоры и фауны Козлов в отличие от своих предшественников — Пржевальского и Роборовского — уделил чрезвычайно пристальное внимание археологическим изысканиям. Первопроходцы — географы и природоведы не имели возможности сосредоточиться на изучении таких уникальных памятников древней культуры, как Дуньхуан, где позднее западноевропейскими и русскими учеными была вскрыта сокровищница историко-культурных раритетов. П.К. Козлов сумел совместить в своей экспедиционной деятельности решение разноплановых задач и целенаправленно шел к одному из самых выдающихся географических и историко-культурных открытий 1900-х годов, а возможно, и XX в. в целом — обнаружению мертвого города Хара-Хото, исторически последнего очага исчезнувшей тангутской цивилизации. О нем Козлов записал в дневнике: «Хара-Хото... С именем этого вечно сонного друга всегда-всегда будет связано мое имя. Может быть, этому угасшему городу суждено будет всегда озарять мое имя географа»⁶.

Путь к этому научному свершению начался осенью 1904 г., когда РГО предложило П.К. Козлову возглавить вторую (после Монголо-Камской) самостоятельную экспедицию в Центральную Азию — Монголо-Сычуаньскую. Ученый твердо решил соединить в данном проекте географические и естественно-научные задачи с поисками руин Хара-Хото, описание которого оставил Марко Поло. Из трудов Потанина Козлов знал, что мертвый город располагается именно в том районе Центральной Азии, куда предполагалось вести экспедицию.

О дислокации Хара-Хото наука не имела в то время никакой более отчетливой информации, хотя было известно, что местное население — монголы и торгоуты издавна знают дорогу к мертвому городу. В 1892 г. В.А. Обручев пытался получить у них эти сведения, но натолкнулся на стену молчания. В 1900 г. туда был направлен поисковый отряд под началом А.Н. Казнакова — и также безрезультатно. Кочевые племена тщательно скрывали секретный маршрут.

Причины столь упорной скрытности коренились в том суеверном страхе и той навивной алчности, которые прочно увязались в сознании кочевников с народными преданиями о гибели Хара-Хото и сокровищах, погребенных якобы в его развалинах. Монголы и торгоуты верили, будто бы чужие божества до сих пор оберегают мертвый город от посторонних посягательств, и во избежание их мести не следует сообщать чужестранцам секретный маршрут. И монголы и торгоуты, однако, вовсе не стремились позабыть путь к Хара-Хото. В каждом поколении местных жителей находилось немало авантюристов-кладоискателей, которые, пренебрегая страхом, проникали в развалины мертвого города в надежде на добычу и иногда возвращались не с пустыми руками. И они вовсе не были намерены рассказывать заезжим чужакам, как добраться до предполагаемых сокровищ.

П.К. Козлов тем не менее рассчитывал заблаговременно получить эти сведения. В 1907 г., т.е. почти за год до начала путешествия, он обратился к своему бывшему сотруднику по Монголо-Камской экспедиции Цокто Бадмажапову (1879–1937), проживавшему в провинции Ганьсу на территории оазиса Дан-юань-ин, с предложением разведать путь к мертвому городу. Следует сказать, что Бадмажапов по окончании Монголо-Камской экспедиции был в определенном отношении протее Козлова, с симпатией относившегося к этому высокоинтеллектуальному и наблюдательному буряту, в равной степени хорошо владевшему монгольским и русским языками. В завершение Монголо-Камской экспедиции Бадмажапов сопровождал торговые караваны, хорошо изучил регион и имел навыки общения с местным населением. Наряду с этим он стремился заявить о себе как об исследователе — составлял небольшие регионоведческие сообщения и отсылал их Козлову для публикации в материалах РГО, занимался коллекционированием местных раритетов. Бадмажапов неоднократно в своих письмах просил Козлова раздобыть для него какое-либо поручение от Академии наук или Главного штаба, будучи увлеченным идеей осуществить самостоятельные изыскания. Именно поэтому Козлов и выбрал его на роль авангардного поисковика, снабдив сведениями, добытыми Потаниным и другими путешественниками.

Бадмажапов исключительно успешно справился с поставленной задачей. В письме к Козлову от 15 мая 1907 г. он сообщил: «Я во время своей поездки в Эдзин-гол сделал весьма интересное открытие, по крайней мере, я так думаю. Около песков между долинами Гойдза и Эдзин-гол наткнулся на развалины „Фара-Фото“ или „Хара-дайшин“, где специально дневал, сделал снимки и кое-что записал. Здесь прилагаю четыре снимка развалин, которые покажите П.П. С<еменову> Т<ян-Шанско>му и сообщите ему, что думаю написать маленькую брошюрку о своей поездке к развалинам...» (Андреев, 1997, с. 67). Официальное сообщение Бадмажапов направил также в РГО и Главный штаб.

А.А. Андреев, заведующий Музеем-квартирой П.К. Козлова в Санкт-Петербурге, опубликовал фрагмент записей Цокто Бадмажапова, где тот подробно изложил то, что ему довелось увидеть в мертвом городе (Андреев, 1997, с. 87–91). Анализируя свои архивные находки, Андреев высказал мнение, что заслугу открытия Хара-Хото необходимо переадресовать Бадмажапову, поскольку тот прислал письменное уведомление о прибытии на объект почти за год до появления там Козлова (Андреев, 1997, с. 61).

Вопрос о приоритетах в данном случае, думается, едва ли серьезен. Трудно сказать наверняка, успел ли Козлов, отбывший в Центральную Азию из Санкт-Петербурга 18 октября 1907 г., получить послание Бадмажапова. Отправленное 15 мая, оно должно было дойти в конце июня — начале июля, однако никаких документальных свидетельств о реакции Козлова на это письмо не найдено до сих пор.

Но и в том случае, если Козлов успел ознакомиться с ним, сообщение Бадмажапова не повлияло на планы экспедиции. Козлов повел ее по первоначально разработанному маршруту и, как известно, вышел к Хара-Хото с северной стороны, т.е. иным путем, нежели Бадмажапов.

Но дело даже не в различии избранных маршрутов. Развалины Хара-Хото не были до посещения их Бадмажаповым *terra incognita*. Там перебивало немало авантюристов из местного населения, знавшего о дислокации Хара-Хото. Сообщение, отосланное Бадмажаповым в РГО и Главный штаб, являлось не более чем десакрализацией секрета, хранимого кочевниками, а не открытием забытой цивилизации.

Бадмажапов, отправленный П.К. Козловым на разведку, проявил недюжинное честолюбие дилетанта, уведомив о своем успехе высокие инстанции, т.е. не желая ограничиться ролью проводника экспедиции. Только в таком качестве имя Бадмажапова и останется, на наш взгляд, в истории науки.

Научная проблематика экспедиции Козлова была многоаспектной и трудоемкой. «Задача двухлетней Монголо-Сычуаньской экспедиции, — писал он, — состояла, во-первых, в попутном исследовании Средней и Южной Монголии, во-вторых, в дополнительном изучении Кукунорской области, с озером Кукунором включительно, и, в-третьих, в достижении Северо-Западной Сычуани и сборах естественно-исторических коллекций этой интересной страны» (Козлов, 1923, с. 21). В исследовательский состав экспедиции помимо Козлова входили трое ученых: геолог А.А. Чернов, топограф П.Я. Напалков и собиратель коллекционных материалов С.С. Четыркин. Экспедицию сопровождал вооруженный конвой. В числе десятка конвойных был и Гамбоджап Бадмажапов, младший брат Цокто Бадмажапова.

Экспедиция вышла из Кяхты 28 декабря 1907 г. Жестокие морозы достигали -47°C и сопровождались сильными западными ветрами и снежными заносами. Путешественники с невероятным трудом добрались до Урги, где оставили часть груза. Солнце они увидели, лишь ступив на территорию Южной Монголии. Их путь пролегал в направлении реки Эдзин-гол. По южному склону Алтая они прошли к южной оконечности пустыни Гоби, и здесь, 18 февраля 1908 г. приблизившись к ставке монгольского князя Балдын-цзасака, провели 10 дней.

Столь долгосрочный привал был использован не только для отдыха, но и с немалой выгодой для дальнейшего путешествия. Князю, как это принято в традиционной культуре, поднесли дары. Козлов умел устанавливать дружеские контакты с местным населением, и монголы отнеслись к экспедиции благосклонно. За щедрое вознаграждение экспедиционерам удалось получить от князя вьючных животных, юрты и проводников для поездки в низовье Эдзин-гола.

Немалый социокультурный интерес представляет пересказанная на страницах дневников Козлова его беседа с князем о маршруте экспедиции. Князь уговаривал его повести экспедицию другой, более удобной дорогой — через Алашань, поскольку в пустыне нет ни колодцев, ни пищи. Да и что там может интересовать путников? Очень удивил его ответ Козлова, что экспедиция ищет развалины древнего города, о котором известно из повествований и писем других путешественников. Должна быть дорога к этим развалинам, по ней шел Марко Поло, оставивший описание расположенного на Шелковом пути цветущего города Эдзина, как назывался Хара-Хото при Юаньской династии (1280–1368). Через него с востока перемещались китайские товары, а с запада — ближневосточные и средиземноморские. Город, по описанию Марко Поло, был расположен в северной части государства тангутов. За его стенами начиналась пустыня. Жители занимались земледелием, держали домашних животных и верблюдов. Торговые караваны, следовавшие через город,

запасались здесь продовольствием на две недели пути, ибо дальше на север не было ни воды, ни жилья.

Да, Балдын-цзасака слышал от своих подданных об этом городе, хотя монголы опасаются посещать его развалины. Туда ходят только торгоуты, чтобы добыть среди руин золотые монеты и серебро, лежащие на поверхности. Однажды они попытались прорыть канаву вокруг большого субургана, но, когда почти докопались до крыши захоронения, из земли стремительно выползли две змеи — красная и темно-серая. Торгоуты решили, что это не обычные змеи, а перерождения двух жен местного правителя, которых при приближении вражеских войск он умертвил, чтобы избавиться от неизбежного надругательства. Ныне они в змеином облике охраняют богатство правителя. Сильно напуганные, торгоуты убежали, проклиная эти развалины города, все еще оберегаемые таинственными существами и злыми духами.

Версию этой легенды записал когда-то Потанин, услышав ее от некоего старца. Согласно повествованию, правитель Хара-Хото, Хара-цзяньцзюнь, славился своим сильным войском. Неподалеку от города сохранились развалины крепости, где якобы размещался конный отряд. Старец рассказал Потанину, будто именно китайцы напали на Хара-Хото. В бою с ними отряд потерпел поражение. Местные жители и правитель укрылись за стенами города и приготовились к осаде. Но хитроумные враги соорудили запруду на Эдзин-голе — эта река омывала город двумя рукавами, снабжая его жителей питьевой водой. Достаточно было устроить запруду перед развилкой, чтобы оба ее рукава обмелели и пересохли. Горожане в надежде на спасение начали рыть колодец, прорыли скважину очень глубоко, но до воды так и не дошли. Правитель решил, что такова его карма. Он спрятал в колодце казну и собственные сокровища, а затем ради избавления обеих своих жен и детей от вражеского насилия умертвил их, а тела приказал сбросить в тот колодец. На месте захоронения насыпали большой холм. Через пролом в северной стене правитель и все защитники города вышли навстречу врагу и погибли в неравном бою, как должно доблестным воинам. Китайцы ворвались в город, разрушили его, но ни казны, ни богатств правителя так и не нашли.

Какие исторические события породили эту легенду? Относится ли она к 1227 г. — времени завоевания Хара-Хото ордами Чингисхана? Известно, что именно монгольские воители стерли с лица земли не только тангутское государство Си Ся, но и тангутскую цивилизацию как таковую. Однако Хара-Хото избежал этой участи и продолжал существовать после монгольского вторжения еще до 1380 г. — в пользу этого свидетельствуют письменные документы и рукописи, найденные Козловым в развалинах города во время археологических раскопок. Даже тангутская письменность продолжала здесь использоваться, и к монгольскому периоду относится ксилографическое издание Трипитаки на тангутском языке. Были найдены и китайские, и тибетские рукописи и документы, датировка которых восходит к XIV в.

В легенде же говорится о разгроме города не монголами, а китайцами. Скорее всего, имели место оба события — и разгром города монголами, и китайское вторжение, которые наложились в повествовании друг на друга. После набега войск Чингисхана Хара-Хото сумел оправиться, но этнический состав его населения изменился в пользу монголов и китайцев. Затем, как подтверждают гидрологические исследования, русло Эдзин-гола сдвинулось, и вода перестала поступать в город. Произошло ли это в результате климатических изменений или вследствие вражеской диверсии, неизвестно.

На момент беседы с Балдын-цзасаком Козлов знал эту легенду и надеялся, что на месте ему удастся выяснить, что произошло в действительности. Он не соглашался с уговорами князя отказаться от посещения развалин города, и тот в конце концов не

стал перечить русскому путешественнику. Он дал Козлову верблюдов и проводника и в сопровождении своей свиты проводил экспедицию до первого колодца. Так, 1 марта 1908 г., при благоприятной обстановке, напутствуемые пожеланиями удачи, экспедиционеры выступили на поиски Хара-Хото.

11 марта экспедиция достигла низовьев Эдзин-гола и разбила лагерь в урочище Торцо. Здесь Козлову удалось заручиться содействием правителя торгоутов — бейле, и всем членам экспедиции было очевидно, что цель путешествия достижима. В путь они тронулись 19 марта и продвигались в юго-юго-восточном направлении. По ходу им все чаще попадались обломки керамических сосудов, каменные жернова и иные предметы бытовой культуры. Путники проходили мимо развалин буддийских ступ, видели следы ирригационных каналов. Наконец, справа от дороги показались руины крепости Актын-Хото — именно здесь, по преданию, располагался конный отряд, охранявший Хара-Хото. А вскоре показались верхушки субурганов и остатки стен. Оба старых пересохших русла Эдзин-гола едва угадывались под слоем песка и мусора. Песчаные барханы и заросли тамариска преграждали путь, и их пришлось огигать до тех пор, пока экспедиционеры не оказались на твердой каменной площадке, расположенной к западу от города. С нее открывался вид на мертвый Хара-Хото.

Караван вступил в город через западные ворота, и путешественники увидели прямоугольную площадь, остатки построек, несколько ступ, фундаменты храмов. Везде громоздились кучи мусора. Невозможно было вообразить, что некогда здесь процветала богатая и высокоразвитая цивилизация.

Экспедиция определила географические координаты города — $41^{\circ}45'40''$ с.ш. и $101^{\circ}5'14''$ в.д. Город располагался на плато, которое возвышалось над уровнем моря на 2854 фута.

По контурам руин и грудам песка и мусора удалось составить первичное представление о градостроительном плане. Город когда-то был окружен стенами, ориентированными по сторонам света. Каждая из стен тянулась на версту, а в западной и восточной стенах имелись ворота, защищенные Г-образным выступом. От ворот начинались две главные улицы, которые шли параллельно и пересекали весь город. Ворота не сохранились, но было видно, что они располагались не друг против друга, а одни смещались к северу, а другие к югу. Улица, по которой экспедиция вошла в город, была названа Козловым Главной. Другая же, начинавшаяся от восточных ворот, получила название Торговой. Предположительно именно по этой улице двигались пришедшие с востока торговые китайские караваны.

Стены имели толщину 6–8 м, в северо-западном углу к ним примыкали субурганы. В северной стене зияла брешь, пробитая, вероятно, во время той осады, о которой повествовала легенда. На каждой стене было по нескольку бастioned. Кое-где остались груды камней, по-видимому, заготовленных защитниками города для отражения вражеской осады. Удивляло количество субурганов, обнаруженных и внутри города, и вдоль ведущих к нему дорог.

Экспедиция разбила лагерь в центре мертвого города, у развалин большого глинобитного здания (эти руины заметил и Цокто Бадмажапов во время своего краткого посещения Хара-Хото и отождествил их как остатки мечети). Все постройки были выполнены из обожженного кирпича и глины, их увенчивали когда-то крыши, плетенные из соломы.

Экспедиционеры воспроизвели план города. Но отчетливого проекта археологических раскопок не складывалось, поскольку ни Козлов, ни его сотрудники не имели соответствующего опыта. Тот факт, что они не позаботились заранее спланировать ход археологических изысканий, сыграл немалую роль в появлении неразрешимых

вопросов, связанных с судьбой города и его обитателей. Раскопки проводились хаотично — верхние слои вскрывались то там, то здесь. Сразу же пошли находки, многие артефакты обнаруживались непосредственно на поверхности. Все найденное экспедиционеры складывали в единую кучу. Ни одну находку не атрибутировали по месту ее обнаружения. И в конечном счете неизвестно, где эти вещи находились первоначально — в домах, в развалинах храмов, в субурганах. Культурные слои также не были выявлены, а от этого зависела относительная датировка находок, так как только по слоям возможно определить, в какое время те или иные предметы были в ходу — в ранний ли период существования города, до его разгрома войсками Чингисхана, или позднее, в последующие сто с лишним лет. Особенно много ошибок экспедиционеры допустили во время второго этапа раскопок, после возвращения экспедиции из Алашаня.

Субурган, расположенный вне стен города, к северо-востоку от него, был назван «Субурган А». Из него вынимали книги, рукописи, буддийские иконы великолепной сохранности, как будто только что написанные, сияющие синими и красными яркими красками, сверкающие позолотой. Находили также монеты, бумажные деньги, предметы буддийского культа, черепки фарфоровой и глиняной посуды, ювелирные украшения. Среди наиболее интересных находок в Субургане А оказались иконы на холсте и на шелке в китайском стиле, мелкая пластика — глиняные головки бодхисаттв и позолоченная голова Будды с темно-синими волосами. Из развалин, поименованных «строение № 3», извлекли листы персидских рукописей и кожаный переплет, который специалисты в Санкт-Петербурге отнесли к XIII в. Все находки хранились в центральной палатке, где вскоре образовалось своеобразное подобие музея. Козлов, оставив в Хара-Хото двоих своих спутников еще на двое суток, вернулся с образцами находок в ставку торгоут-бэйле, чтобы расспросить, кому принадлежал мертвый город. Торгоуты говорили, что город китайский, аргументируя это типом построек. Но Козлова их слова не убедили, поскольку рукописи, найденные в развалинах, в большинстве своем не содержали китайской иероглифики. О существовании тангутского иероглифического письма в то время уже кое-что было известно. В Китае на ряде монументов сохранились надписи на нескольких языках, в том числе предположительно и на тангутском. Но до расшифровки тангутской иероглифики было еще далеко. Найденные экспедицией тибетские и персидские манускрипты также не свидетельствовали в пользу принадлежности города к китайской культуре.

Козлов отправил сообщение 28 марта 1908 г. секретарю РГО А.А. Достоевскому вместе с образцами рукописей и фрагментами живописи. Козлов надеялся получить из РГО ответы, что позволило бы осуществить атрибуцию находок и слой культуры, к которой принадлежал мертвый город.

Козлов был уверен, что его давнишняя мечта сбылась и он первым из европейских ученых ступил на землю, о которой писал Марко Поло. Пока еще он не полностью понимал смысл своего открытия, но чутье опытного путешественника подсказывало, что находки его необыкновенные и много значат для науки.

Так и оказалось. Предметы художественной культуры и рукописи, отправленные в Санкт-Петербург, произвели сенсацию. Первые результаты изысканий в Хара-Хото сразу же были опубликованы в «Известиях Императорского Русского географического общества».

Продолжая экспедицию, Козлов вышел из Хара-Хото через восточные ворота и, продолжив свой путь по восточной дороге, обнаружил, что она ведет к другому городу — Боро-Хото. Отсюда начиналась дорога в дикую пустыню Алашаня. 30 марта 1908 г. было решено следовать по ней, держа курс на оазис Дин-юань-ин.

Первую остановку сделали в Боро-Хото (он же Боро-цонджи), через который пролегал древний путь в Ганьчжоу. Сойдя с него, экспедиция вступила в полосу песков. «Перед нами встала во всей своей трудной и малопривлекательной форме Алашаньская пустыня, простирающаяся на 560 верст к юго-востоку, — отмечал Козлов, — это своего рода сухой песчано-каменистый океан, изборожденный волнами гряд и холмов, напоминающих морские волны...» (Козлов, 1923, с. 88).

Отойдя приблизительно на 75 верст от Боро-Хото, экспедиция пересекла небольшой участок пустыни, и перед путешественниками открылась широкая долина Гойцзо, простирающаяся далеко на восток. Она представляла собой котловину, расположенную на высоте 840 м над уровнем моря, богатую водой и растительностью. Экспедиционеры, более месяца не имевшие в достатке воды, получили наконец возможность привести себя в порядок, расположившись лагерем в урочище Зуслан. «Пользуясь теплом, прекрасной водой и обилием дров, — писал Козлов, — мы здесь устроили генеральную стрижку и такое же генеральное мытье и стирку белья. Вообще говоря, в путешествии очень трудно уберечься от грязи и пыли, в особенности зимой, а в безводных пустынях всегда. Тем не менее нам все же удавалось держать себя сравнительно опрятно, а летом, при наличии лучших условий и достатка воды, даже чисто» (Козлов, 1923, с. 93).

По завершении этой тяжелейшей экспедиции РГО встретило Козлова с почетом. Его заслуги были вознаграждены персональной пенсией. Это означало, что от участия в экспедиционной работе он впредь освобождался, хотя Козлов в свои 63 года был еще полон сил и энергии.

Перу этого выдающегося исследователя принадлежат около 60 печатных работ — книги, статей, докладов и донесений. Ряд европейских Географических обществ — Лондонское, Венгерское и Нидерландское избрали Козлова своим почетным членом. Лондонское и Итальянское географические общества наградили его Большими золотыми медалями, а Парижская Академия присвоила Премию им. Чихачева. Выказало признательность Козлову и РГО, избрав его своим почетным членом и наградив медалью им. Пржевальского.

Список сокращений

АВ ИВР РАН — Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
РГО — Русское географическое общество
СПФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
JRASB — Journal of the Royal Asiatic Society of Bengal

Список литературы

- Андреев А.И.* От Байкала до Священной Лхасы. Санкт-Петербург–Самара–Прага, 1997.
Козлов П.К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. М., 1923.
Меньшиков Л.Н. К изучению материалов русской Туркестанской экспедиции 1914–1915 гг. // Петербургское Востоковедение. 1993, № 4.
Ольденбург С.Ф. Кашгарская рукопись Н.Ф. Петровского // ЗВОРАО. 1892. Т. VII. С. 81–82.
Ольденбург С.Ф. Русские археологические исследования в Восточном Туркестане // Казанский музейный вестник. 1921, № 1–2.
Ольденбург С.Ф. Пещеры тысячи будд // Восток. 1922, № 1.
Ольденбург С.Ф. Искусство в пустыне // 30 дней. 1925, № 1.
Ольденбург С.Ф. Памяти Самуила Мартыновича Дудина // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1930. Т. IX. С. 341–358.

Описание китайских рукописей Дуньхуанского фонда Института народов Азии. [Коллектив авторов] под ред. Л.Н. Меньшикова. Вып. 1. М., 1963; Вып. 2. М., 1967.

Скачков П.Е. Русская Туркестанская экспедиция 1914–1915 гг. // Петербургское Востоковедение. 1993, № 4.

Щербатской Ф.И. Ольденбург как индианист // Записки Института востоковедения АН СССР. М.–Л., 1935.

Hoernle K. The Weber Manuscripts // JRASB. 1893. Vol. 62, pt 1.

Leumann E. Über eine von den unbekanntenen Literatursprachen Mittelasiens // M. de l'Acad. Imp. des Sciences de St.-Pb., sfr. 8, t. IV, N 8, 1900.

Summary

M.I. Vorobyova-Desyatovskaya

Russian Scholars on the Paths of Central Asia (Discovery of the Lost Written Cultures)

The article deals with the Russian contribution to the investigations on the Central Asian territories described in Chinese sources as the “Western Region” (*Xi yu*) and known in Russia as Eastern Turkestan. The main attention is focused on the expeditions organized by the Russian Committee for Middle and East Asia Exploration at the early 20th century. Particularly the author analyses the expedition activities of M. Berezovsky, S. Oldenburg, P. Kozlov and the sensational discovery of the remnants of the dead Tangut city of Kharo-Khoto. The author describes the most interesting buddhist manuscripts brought by the Russian expeditions from the northern oases of Eastern Turkestan (Kucha, Karashar, the Turfan area).